

Д. В. Гаврилов

П. П. БАЖОВ КАК ИСТОРИК

П. П. Бажов не был профессиональным историком, да и вообще, по своей исключительной скромности, не считал себя историком. Когда редакция Большой Советской Энциклопедии предложила ему написать статью о Ермаке, о котором у него были собраны обширные материалы, в том числе еще не известные науке, П. П. Бажов, заявив, что «польщён» этим предложением, но решительно отказался его принять, сказав, что «не считает в праве» заниматься не свойственным ему делом¹.

Однако хорошо известно, что всё творчество П. П. Бажова – писателя, журналиста, фольклориста, сказочника – было тесно связано с исторической наукой, с историей страны и историей его родного Урала, и он мог с полным правом сказать о себе: «История – мой хлеб»². Дочь П. П. Бажова – Ариадна, кандидат исторических наук, свидетельствует:

«История всегда была главным интересом в жизни отца. «История» и «Слово», «Слово» и «История», и еще Урал»³.

Не только исторические очерки П. П. Бажова, но и его воспоминания, автобиографические рассказы и повести, подавляющее большинство его знаменитых сказов – имеют широкую научную историческую основу, раскрывают те или иные аспекты истории Урала. Все знавшие П. П. Бажова свидетельствуют, что он прекрасно знал историю Урала, внимательно следил за всеми появлявшимися в печати новыми историческими работами, имел хорошую историческую библиотеку.

Тесно сотрудничавший с писателем в 1946-1950 гг. заведующий кафедрой истории СССР Уральского государственного университета доцент, кандидат исторических наук М. А. Горловский свидетельствовал, что П. П. Бажов «свободно ориентировался в исторической литературе, а иногда в разговоре сообщал такие ценные сведения, каких невозможно найти ни в книгах, ни в архивных документах. Себя он называл литератором, «работающим на материалах уральской истории»... Для всех, работающих над историей Урала он был неутомимым советчиком и мудрым собеседником»⁴.

Но П. П. Бажов был не только писателем, пишущим на исторические темы, но, в действительности и настоящим историком, исследователем, тщательно изучавшим, анализирующим и синтезирующим исторические источники - архивные документы, печатные материалы, устные рассказы, что позволяло ему глубоко и объективно освещать исторические события. Сейчас невозможно правильно понять и верно оценить многие события и явления уральской жизни конца XIX – начала XX вв. без учета скрупулезно подобранных или подмеченных глазом современника ярких фактов и описаний, содержащихся в исторических очерках, автобиографических рассказах и повестях, воспоминаниях П. П. Бажова.

Большой и весьма весомый вклад П. П. Бажова в историческую науку, в изучение истории Урала, - до сих пор по достоинству еще не оценен. Волшебная «Малахитовая шкатулка», необычные, самобытные поэтические сказы, принесшие П. П. Бажову всесоюзную славу, заслонили и отодвинули на второй план его ранние произведения - исторические очерки, автобиографические рассказы и повести и т.п., в которых автор выступал преимущественно как историк, закрепили за ним образ кудесника слова, фольклориста, сказочника и мудреца. Тема «П. П. Бажов как историк», обширная, научно значимая, актуальная и в наши дни, очень перспективная и плодотворная, историографами, к сожалению, до сих пор еще не поднималась.

Настоящая статья имеет своей целью хотя бы в какой-то мере восполнить этот пробел.

Историей Урала и рабочим фольклором П. П. Бажов увлекся еще в дореволюционный период, работая учителем русского языка в Екатеринбургском епархиальном женском училище. Уже тогда он работал над историей крестьянской войны во главе с Е. И. Пугачевым и над историей города, часто бывал в архивах»⁵, а летние каникулы («вакации») как он пишет в своей автобиографии, посвящал разъездам по уральским заводам для сбора фольклорных материалов⁶.

После окончания гражданской войны, вернувшись в Екатеринбург и работая в редакции «Крестьянской газеты», П. П. Бажов начал систематически собирать рабочий фольклор, публикует исторические очерки, посвященные истории Сысертских заводов – «Уральские были» (1924) и «К расчету!», в 1936-1939 гг. издает свои первые сказы, в 1939 г. вышла в свет его «Малахитовая шкатулка».

Основное внимание П. П. Бажова как историка было сосредоточено в изучении производственной структуры и организации управления уральской горнозаводской промышленностью и на освещении жизни и быта уральских рабочих, их труда, дум и чаяний.

Поэтесса Л. Татьяничева вспоминала о П. П. Бажове: «Историю металлургии он знал отлично – от глубоких, еще преддеидовских корней до густо разветвленной кроны наших пятидесятых годов»⁷. Со страниц его исторических очерков и воспоминаний встают полутемные, закопченные корпуса старых заводов, с устаревшим оборудованием. Таковы неуклюжий паровой молот, похожий на перевернутую римскую цифру V на Северском заводе, допотопные медеплавильные печи на Полевском заводе, в которых расплавленную медь рафинировали путем опускания в нее березовой палки и т. п.

Вместе с тем, П. П. Бажов выступал против огульного охаивания всего старого, в том числе и «крепостнической техники». Побывав в 1946 г. на Артинском косном заводе, он обнаружил, что «там до сих пор полосы расковывают хвостовыми молотами крепостной поры. Каждый новый директор спешил убрать этот пережиток феодализма, но вскоре убеждался, что крепостная механика дает совершенный удар без элементов отбоя»⁸.

Среди населения заводских поселков, руководствуясь терминологией, применявшейся заводскими рабочими, П. П. Бажов выделил заводовладельцев («бар»), заводскую администрацию («заправил»), служащих («приказных»), рабочих («мастеровых»), заводских крестьян, приисковых рабочих, кустарей и абсолютно неизвестных официальной статистике «чертознаев», которые ухитрились кормиться независимо от заводского производства, занимаясь охотой, рыбной ловлей, пчеловодством.

Главные герои всех исторических произведений П. П. Бажова – уральские рабочие: доменщики, пудлинговщики («паленьговщики»), углежоги, рудознатцы, камнерезы, гранильщики и т.п. В его сказах они выступают как мастера-умельцы, трудолюбивые, гордящиеся своим мастерством, стремящиеся довести его до совершенства, умеющие ценить прекрасное, честные и справедливые, верные и надежные. Многие бажовские сказы основаны на подлинных исторических фактах, их действующие лица были реальными людьми. Это Златоустовский художник-гравер Иван Бушуев («Иванко-Крылатко»), каслинский мастер художественного литья Василий Торокин («Чугунная бабушка»), Златоустовский мастер булатной стали Швецов («Коренная тайность») и другие.

Бажовские сказы – гимн труду, мастерству, доведенному до уровня искусства. Прав был Борис Полевой, когда он писал о П. П. Бажове, что «никто до него не писал об уральских тружениках так тепло, так задушевно, так мудро, как он»⁹.

Важнейшим источником для исследования быта и менталитета рабочих П. П. Бажов считал рабочий фольклор, рассматривал сказы старых уральских рабочих «как своего рода историко-бытовые документы». На основе бытовавших среди рабочих преданий, легенд, поветрий

он создал свои сказы, «придал этим самоцветам устного народного творчества ювелирную огранку, собрал их, философски осмыслил, ввел в мир большой литературы»¹⁰.

П. П. Бажов, будучи сам свидетелем многих крупных исторических событий, придавал большое значение личным наблюдениям и впечатлениям, называл их «своеглазным знанием».

Высоко он ценил и архивные материалы, сетовал, что у нас плохо поставлено архивное дело, плохо хранятся исторические документы и материалы. Но при оценке исторических событий П. П. Бажов отдавал предпочтение не архивным документам, которые писались властями «с их классовых позиций», а фольклорным источникам, которые отражали мнение народных масс. «... Народная аргументация, - считал П. П. Бажов, — хранится в сказах, в побасенках, в рассказах рабочих о самих себе - это и является второй историей»¹¹.

Большое значение придавал П. П. Бажов привлечению новых источников, позволяющих более полно и обстоятельно, а иногда и совершенно по-новому осветить тему, возмущался ленью и инертностью авторов, предпочитающих пересказывать уже известное. «Охотников искать стоящие пласты, — жаловался П. П. Бажов, — у нас крайне мало. Как работающему рядом с историей, мне это особенно видно. Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново не хотят. А когда такое же почти видишь в историческом романе, то становится не по себе. Да ещё хотят «всего достичь», не утруждая ни глаз, ни зада, - за счет «голого таланта», а не выходит... Разве наш национальный гений А. С. Пушкин не поразителен и своей трудоспособностью? Работая над историей Пугачевщины он не только месяцами сидит в архиве, но он едет на Урал... Это ведь не на самолете и даже не в вагоне, а на перекладных. Попробуйте представить кое-кого из наших современников за адекватным трудом!»¹².

Точную и объективную характеристику П. П. Бажову как историку дал уральский писатель Б. С. Рябинин, сам занимавшийся написанием истории ряда заводов. «Бажов, - писал Б. С. Рябинин, - стоял всегда за строго научное освещение истории Урала, будь то труд исследователя-историка или повесть, роман, рассказ. Эту линию он неукоснительно

проводил и в своем творчестве, не допуская никаких отклонений, поблажек себе как художнику, имеющему право на домысел и выдумку»¹³. Особое внимание П. П. Бажов уделял истории Екатеринбурга. И. А. Дергачев свидетельствовал: «У него была удивительная любовь к городу, в котором он жил, какое-то горделивое любование его прошлым...»¹⁴.

В 1946 г. П. П. Бажов принял активное участие в подготовке и проведении Первой научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска и выступил на ней с сообщением «История Екатеринбурга-Свердловска как зеркало горнозаводской жизни Урала». Он подверг критике взгляды Н. С. Попова, Н. К. Чупина и Д. Н. Мамина-Сибиряка на историю развития города и развитие горного дела на Урале. Основатели города В. Н. Татищев и В. И. Геннин, отметил П. П. Бажов, были «письменными людьми», оставили после себя огромное количество записей и инструкций, но сильно преувеличивали свои заслуги и к их трудам нужно относиться критически. В них нельзя найти сведений о рабочих и мастерах, которые непосредственно строили город. «Историкам, — указывал П. П. Бажов, — надо направить свои поиски в сторону тех творческих исполнителей, которые мало или вовсе не показаны в материалах генералов-строителей»¹⁵.

В 1948 г. состоялась Вторая научная конференция по истории Екатеринбурга-Свердловска, в работе которой, кроме уральцев, приняли участие московские ученые – академик А. М. Панкратова и профессор Б. Б. Кафенгауз. П. П. Бажов выступил на ней с рядом замечаний по поводу сделанных на ее заседаниях докладов и сообщений, чтобы «привлечь внимание историков» к вопросам, которые он считал «неправильно, недостаточно освещенными в работах по истории».

П. П. Бажов указал, что нельзя игнорировать особенности Екатеринбурга как города, граничившего с частновладельческим Верх-Исетским заводом и его горнозаводской дачей, что тормозило рост города. Он обратил внимание на неизученность вопроса о «мужицких заводах», которые существовали задолго до петровских времен, когда началась полоса государственного строительства на Урале.

П. П. Бажов не согласился с утверждениями историков, считавшими, что уральские рудные месторождения были открыты иноземными специалистами. Он указал, что все месторождения, выделявшиеся своей значительностью, были открыты местными рудознатоками, среди которых были не только русские, но и представители аборигенных народов (Степан Чумпин, Боляк Русаев и др.).

П. П. Бажов обратил внимание на вопрос о роли старообрядчества в уральской горнозаводской промышленности. Это был вопрос, который в то время всячески обходил историками, но имел существенное значение для истории города и уральской горнозаводской промышленности.

«Русское старообрядчество, – говорил П. П. Бажов, – конечно, было реакционным явлением, но у него были черты, которые представляют большой интерес для исследователя. Это, во-первых, особо отрицательное отношение ко всякому позаимствованию из Западной Европы, от «крыжаков» или «люторцев», и, во-вторых, широко разветвленная сеть населенных пунктов, руководство которыми велось вне обычного правительственного, и, в третьих, крепкая дисциплина, направлявшая волну тайной колонизации старообрядцев»¹⁶.

П. П. Бажов советовал историкам проследить, как создавали технические кадры на заводах, принадлежавших заводладельцам-старообрядцам, явным или тайным, каковыми считали Демидовых, и почему производительность труда и качество железа на этих заводах были выше, чем на казенных. Он также предлагал выяснить роль широко разветвленной и крепко спаянной сети старообрядцев в развитии сибирской золотопромышленности, поскольку все крупные воротилы золотопромышленности того времени, екатеринбургские купцы-золотопромышленники – Харитоновы, Расторгуевы, Рязановы, Баландины, были старообрядцами и в короткий срок развернули огромную работу по добыче золота в глухих местах Енисейской и Ленской тайги, что нельзя было сделать без опоры на рудознатные навыки местного населения.

У П. П. Бажова была мечта написать историю первых Демидовых. Также мечтал он написать историческую трилогию «Предгрозе», первой частью которой должна была стать повесть о разбойнике Рыжанко – Атамане Золотом (этот сюжет использовал К. А. Богомолов, издавший в 1955 г. повесть «Атаман Золотой»), вторая часть – «Хромой капрал» – посвящалась пугачевскому полковнику Ивану Белобородову, действовавшему со своим отрядом на Среднем Урале, третья часть – дальнейшему нарастанию борьбы рабочих людей и приписных крестьян против заводладельцев¹⁷.

Он ратовал за установку в Екатеринбурге памятников И. И. Ползунову и Л. И. Брусицыну¹⁸.

П. П. Бажов жаловался: «А как еще досадно мало написано об Урале, о его людях! Мало и серо...»¹⁹. С тех пор прошло более полувека. Изучение истории Урала и Екатеринбурга продвинулось за эти годы далеко вперед, написаны и опубликованы многие капитальные труды по истории Урала и Екатеринбурга, но многие вопросы, поставленные перед историками П. П. Бажовым, и сейчас еще не решены и даже не решаются. Нет до сих пор в Екатеринбурге и памятников И. И. Ползунову и Л. И. Брусицыну.

¹ Бажова-Гайдар А. Глазами дочери // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 73-74.

- ² Боголюбов К. Большая жизнь // Там же. С. 130.
- ³ Бажова-Гайдар А. Глазами дочери. С. 62.
- ⁴ Горловский М. Встречи П. П. Бажова с историками Урала // Там же. С. 554, 558.
- ⁵ Бажова В. А. О муже // Там же. С. 8.
- ⁶ Бажов П. П. Автобиография // Там же. С. 587.
- ⁷ Татьяничева Л. Слово о мастере несравненном // Там же. С. 137
- ⁸ Из письма к И. И. Халтурину. 16 февраля 1946 г. // Бажов П. П. Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 321.
- ⁹ Скорино Л. Секрет вечности // Мастер, мудрец, сказочник. С. 506.
- ¹⁰ Рябинин Б. По следам легенды // Там же. С. 264.
- ¹¹ Скорино Л. На Урале, в дни войны // Там же. С. 424.
- ¹² Из письма Е. А. Пермяку. 27 октября 1945 г. // Бажов П. П. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 309.
- ¹³ Рябинин Б. По следам легенды // Мастер, мудрец, сказочник. С. 296.
- ¹⁴ Дергачев И. Дела литературные // Там же. С. 353.
- ¹⁵ Материалы Первой научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1947. С. 17.
- ¹⁶ Материалы Второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. С. 249.
- ¹⁷ Боголюбов К. Большая жизнь // Мастер, мудрец, сказочник. С. 124.
- ¹⁸ Бажова-Гайдар А. Глазами дочери // Там же. С. 73.
- ¹⁹ Полевой Б. Секрет вечности // Там же. С. 506.